

Вядома, што не існуе маўлення дзеля маўлення. Камунікацыя заўсёды носіць сацыяльны характар. Кожнае выказванне вызначаецца мэтай і адрасатам, ствараецца ў камунікатыўным кантэксце, у якім удзельнікі маюць пэўны сацыяльны статус. Выбар лексічных і граматычных сродкаў дыктуецца мэтай і ўмовамі маўлення, залежыць ад статусу і намераў суразмоўцаў. Таму з улікам экстралінгвістычных фактараў у структуры камунікатыўнай кампетэнцыі разглядаем уласна камунікатыўныя ўменні і навыкі, якія вызначаюцца матывацыйна-мэтавым і сітуацыйным фактарамі, карэлююць з рознымі відамі суразмоўніцтва (сацыяльна-ролевым, міжасобасным, афіцыйным) і абумоўлены сацыяльнымі нормама паводзін. Разам з базавымі сацыяльна-псіхалагічнымі ведамі яны ўтвараюць асобны кампанент у структуры камунікатыўнай кампетэнцыі – уласна камунікатыўны, які патрабуе спецыяльнага мэтанакіраванага фарміравання ў працэсе вывучэння беларускай мовы.

Сучасныя тэхналогіі актыўна садзейнічаюць інфармацыйна-інтэлектуальнаму развіццю чалавека. Аднак, каб якасна працаваць з інфармацыяй, прысвойваць асобна значыму і адмяжоўваць другарадную, неабходны спецыяльныя інфармацыйныя ўменні, без якіх немагчыма актыўная сацыяльна дзейнасць чалавека. Гэта значыць, што на занятках лінгвістычнага цыклу, найперш на ўроках мовы, трэба фарміраваць уменні аналізаваць, структураваць, перапрацоўваць і перадаваць інфармацыю ў адпаведнасці з вызначанай камунікатыўнай задачай. Яны запатрабаваныя як у працэсе вуснай камунікацыі, так і ў час працы з электроннымі і папяровымі носбітамі, і непасрэдна спрыяюць развіццю камунікатыўнай кампетэнцыі асобы.

Важным у працэсе маўленчай камунікацыі з'яўляецца валоданне нормама культуры мовы і маўленчых паводзін. Іх засвойвае чалавек на працягу жыцця, пры гэтым культура паводзін, маўлення, мыслення, вучэбнай дзейнасці фарміруецца ў перыяд школьнага навучання. Культура маўлення і мыслення непасрэдна звязаны з маўленчай дзейнасцю – забеспячэннем зместу выказвання, выразнасцю маўлення, уплывам на пачуцці і думкі суразмоўцы. Без іх немагчыма гаварыць пра паўнаватаснае развіццё камунікатыўна-актыўнай асобы.

Са сказанага вынікае, што камунікатыўная кампетэнцыя як характарыстыка асобы інтэгруе асноўныя ўменні, неабходныя для актыўнай дзейнасці ў сучасных сацыякультурных умовах, – моўныя, маўленчыя, уласна камунікатыўныя, інфармацыйныя і агульнакультурныя. Таму навучанне беларускай мове на сучасным этапе павінна арыентавацца на веданне школьнікамі сістэмы мовы, аперыраванне лінгвістычным і маўленчым матэрыялам, засваенне нормаў і правіл суразмоўніцтва, якімі неабходна валодаць у інфармацыйнай прасторы грамадства.

У працэсе фарміравання камунікатыўнай кампетэнцыі неабходна ствараць мікрамоўнае асяроддзе, дзе мова функцыянуе ў дзеянні, а не толькі засвойваецца як звод правіл. З мэтай развіцця ўсіх кампанентаў камунікатыўнай кампетэнцыі трэба выкарыстоўваць этнакультурны матэрыял, працаваць з прэцэдэнтнымі тэкстамі, акцэнтаваць увагу вучняў на асаблівасцях маўленчых паводзін беларусаў, нацыянальна-абумоўленых стэрэатыпах маўлення. Пры гэтым распрацоўваць сітуацыі, у якіх будуць запатрабаваны розныя віды маўленчай дзейнасці, у першую чаргу – сацыяльна значымыя (аўдзіраванне, гаварэнне), дзякуючы якім адбываецца суразмоўніцтва па-беларуску.

Арганізаваная такім чынам актыўная дзейнасць вучняў развівае імкненне да моўнага і маўленчага самаўдасканалвання, якаснай самарэалізацыі як ва ўмовах вучэбнай камунікацыі, так і ў іншым сацыяльным кантэксце.

РУССКАЯ СМЕХОВАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА

В.А. Маслова

Смех как стереотип поведения фиксируются в языке. Смех существовал уже на самых ранних стадиях развития культуры: люди высмеивали божество, его ругали, над ним издевались, чтобы утвердить жизненное начало вслед «умирающему» божеству; смех, их сопровождающий, назывался ритуальным смехом. Так создавался второй как бы параллельный мир, в котором жил человек. Смех в высоком открывает низкое, в духовном – материальное и т.д.

М.М. Бахтин открыл, что смеховое начало укоренено в народной культуре. И тем самым в сущности человека. Но и там смех амбивалентен. В языческом обществе он имел сакральную символику, это своеобразный магический жест. В христианской культуре смеются смерть, дьявол и прочая нечисть, отсюда фразеологизм *дьявольский смех*. Считается, что уже с самого рождения возле человека находится как ангел-хранитель, так и дьявол-искуситель, соблазнитель. И если ангел радуется, умиляясь добрым поступкам человека, то дьявол ослабляется и хохочет, при виде злых дел. Христос, Его апостолы и святые никогда не смеются, лишь улыбаются, радуясь.

Запрет на смех встречается в русском фольклоре – в тех русских сказках, где живой проникает в царство мертвых: сказки о Бабе-Яге, где героя предупреждают: «Придешь в избушку – не смейся!». Отсутствие смеха – признак пребывания в царстве мертвых, ибо мертвые не смеются. Смеясь, мертвый выдает себя за живого. Так смеется, например, русалка в одноименном стихотворении В.Я. Брюсова: *Еще нежней, еще коварней / Смеялась, зыбля камыши*. По славянскому поверью хохочет в лесу леший, заманивая к себе людей. В стихотворении «Папоротник» В. Брюсов пишет: *Все виденья, всех поверий / По кустам кругом хохочут*.

В тесной связи с запретом на смех формируется значение фразеологизма *сардонический смех* (смех смерти). Внутренняя форма этого фразеологизма – существовавший у древнего населения Сардинии обычай убивать стариков и при этом громко смеяться. Выражение *гомерический смех* также имеет негативную окраску: это громовой смех, подобный тому, каким смеялись на пиршествах олимпийские боги в «Илиаде» Гомера.

Но есть и другая сторона у смеха. А.А. Потебня видит связь смеха со светом и жизнью. В мифах народов мира, в которых повествуется о проглоченных рыбами, смех – возврат к жизни. По украинскому поверью, ворон похищает детей на тот свет, и если мать успеет рассмешить ребенка, он останется с ней, а если не успеет, то он достается ворону. Следы этого аспекта значения у смеха имеют фразеологизмы *смех разбирает, смешилка в рот попала* и др.

Древняя амбивалентная семантика смеха формирует отношение к нему в современной культуре восточных славян, где смех не только выражение радости, но с ним связаны и такие слова как *насмехаться, пересмешиник* (мифическое существо, источник эхо). В русском национальном сознании *смех* и *смерть* взаимосвязаны. Русское слово *умора* ярко демонстрирует представления наших предков об амбивалентной сущности смеха: смеяться до надрыва, до смерти. Может быть, поэтому к смеху у русских отношение отрицательное, что отражено в пословицах и поговорках: *Скалозубы не бывают любви* (посл.). *Смех без причины – признак дурачины. Смешино дураку – что рот на боку* (о незначительности причины для смеха). *Рот до ушей, хоть завязочки пришей* – неодобрение.

Смех по одному и тому же поводу создает чувство братской общности. Способность смеяться вместе – это предпосылка дружбы, а хохот – разрядка. Смех можно обратить против врага. Например, такая особенность поведения русских, как отсутствие улыбки, репрезентирована в следующих пословицах и поговорках: *и смех и грех; смеши да хи-хи вводят в грехи; велик смех, не мал и грех; смехом сыт не будешь; смех до добра не доведет* и под. Смех не одобряется и белорусами, отсюда выражения типа *дурня на смеху пазнаеш; на латках пазнаеш скупого, а на смеху – дурного* (бел.), *смеху варта* (о смехотворном – неодобр.) и др. Первоначально смех был церемонией умиротворения или приветствия. Он возник путем переориентации угрожающего жеста. Это серьезное оружие, которое может причинить много вреда. К фразеологизмам поведения можно отнести ФЕ с компонентом «смех»: *и смех и грех, поднимать на смех* (русс.); *паміраць ад смеху, не на смех, надрываць жываты ад смеху, паехаць ад смеху* (бел.) и другие, которые кодируют в своей семантике запрет на смех.

Стандартизированное поведение имеет свои варианты: поведение крестьянина, воина, ремесленника; в соответствии с критериями биосоциального членения различают поведение взрослых, детей, молодежи, стариков, мужчин и женщин. С учетом профессионального поведения можно выделить поведение христианина, мусульманина и т.д., с позиций этнического поведения – поведение русского и немца, англичанина и поляка и т.д. Целые слои имели свои модели как «правильного», так и «неправильного» поведения (сравни сценарий купеческого загула в литературе XIX в.). Лотман писал: «Каждый человек в своем поведении реализует не одну какую-либо программу действий, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо одну стратегию из обширного выбора возможностей» (Лотман, Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 121).

Вероятно, механизмом формирования стереотипов являются многие когнитивные процессы, потому что стереотипы выполняют ряд когнитивных функций - функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии, ряд других мыслительных функций.

Итак, смех амбивалентен: он может быть веселым, ликующим и – одновременно – высмеивающим; есть смех-издевательство, унижающий человеческое достоинство; есть смех-самоирония. М.Бахтин о таком смехе сказал: «... он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает». В. Высоцкий, как в древнерусской культуре, смешит собой, создает нелепый мир пьяных, неудачливых и т.д. Отношения здесь перевернуты и искажены, поэтому Муза уходит от плохого угодения:

*Она ушла, исчезло вдохновенье
И три рубля, наверно, на такси.*

Поведение человека в достаточной мере типизировано, потому что подчиняется нормам и стандартам, выработанным в обществе. Причем, если стереотипизация распространяется на поведение в любой сфере человеческой деятельности, то социальная норма регулирует лишь общественное поведение людей и, как правило, имеет ритуальное происхождение (Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – С. 23). Ритуал – система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время. Это форма «превращенного сознания» (термин В.Зомбарта), он является главным механизмом коллективной памяти, который во многом определяет жизнь человека и теперь.

Смех – это символическая форма поведения, он не так безобиден, как может показаться. Это страшная разрушительная сила. Не случайно Пушкин сказал, что смех Вольтера разрушил больше, чем плач Руссо, хотя в идеале плач над собственным несовершенством важнее смеху над недостатками ближнего.

СОБЫТИЯ И ДАТЫ В ЗЕРКАЛЕ УРБАНОНИМИИ

А.М. Мезенко

Явления культуры в широком понимании находят свое отражение в урбанонимии как части общей лексической системы языка. Витебщина, как и любой другой исторический регион, наряду с общим историческим процессом переживает свою историю. Ее даты и события остаются в географических названиях линейных, территориальных и точечных объектов. Своды внутригородских названий – это всегда память народа. В урбанонимах, помимо исторических, территориальных и природно-географических особенностей условий жизни народа, отражается запечатленный в традициях, обычаях и фольклоре психический склад нации, что служит основой именно национального облика культуры.

Проблемы номинации особо важны для ономастики, которая призвана отражать картину мира, сложившуюся в сознании носителей языка в результате отражения объектов и явлений окружающего мира и их связей.

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей номинации внутригородских объектов именами исторических дат и событий на материале урбанонимии Витебщины.

Нередко названия улиц, активно реагирующие на политические, социальные, экономические, культурные изменения в обществе, выступают своеобразными ономастическими маркерами эпохи. Как элементы ономастического пространства урбанонимы создают экстралингвистический фон, способствуют сохранению исторической информации, передаче колорита времени.

Одним из распространенных приемов репрезентации экстралингвистической информации в урбанонимии является использование в качестве названий внутригородских объектов исторических и юбилейных дат. Это может быть точное календарное время (число, месяц, год), обозначение какого-либо события или его годовщины, составления документа и т.п.

Традиционным на Витебщине следует признать привлечение к номинации линейных и территориальных объектов именно **юбилейных дат**: около 30 % названий улиц, переулков, площадей носят такие наименования. Экстралингвистический фон обусловлен проекцией «нового» восприятия на его «старые» идеи и возникающей вследствие этого перекличкой смыслов. Благодаря сохраняющимся названиям юбилейных дат, урбанонимы воспринимаются ярче, наполняются новым ассоциативным смыслом, выражают позицию жителей городов и сел.

Чаще всего в современной урбанонимии Витебской области встречаются названия в честь десятилетних годовщин Октябрьской революции: *ул. 40 лет Октября* (г. Толочин, г.п. Лиозно), *ул. 50 лет Октября* (г.п. Копысь), *ул. 70 лет Октября* (г. Дубровно, г. Городок) и др.

Довольно часто линейные объекты городов носят названия в честь юбилейных дат Победы советского народа в Великой Отечественной войне (*ул. 30 лет Победы* – г. Глубокое, г. Дубровно), образования Белорусской Советской Социалистической Республики (*ул. 30 лет БССР* – г.п. Копысь; *ул. 60 лет БССР* – г. Орша; *ул. 70 лет БССР* – г.п. Шумилино).

Спорадически названием становится юбилейная дата образования города (*пл. 1000-летия Витебска* – г. Витебск; *ул. 350-летия Миор* – г. Миоры) или области (*ул. 70-летия Образования Витебской Области* – г. Витебск).

Другим ярким приемом репрезентации экстралингвистической информации в урбанонимии является **точное календарное время**. Номинаторы активизируют внимание населения, используя в качестве названий улиц **число и месяц памятного события**. Такой вид ономастической деятельности рассчитан прежде всего на визуальное восприятие даты, а через это восприятие происходит осмысление увиденного. Техническим средством актуализации часто выступает цифра